

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31. № 3. С. 57–61. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 57–61. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира

УДК 821(44).09"20"

EDN EASKMT

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-57-61>

МОТИВ ОТЧУЖДЕНИЯ В ИСПОВЕДАЛЬНОЙ ПРОЗЕ АРТЮРА АДАМОВА («ПРИЗНАНИЕ»)

Османова Кира Павловна, ассистент кафедры зарубежной литературы Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, osmanovakira@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2960-4513>

Аннотация. В настоящей статье анализируется один из ключевых для модернистской культуры мотивов – мотив отчуждения, актуализированный в автобиографической прозе французского писателя Артюра Адамова. В ходе исследования выявляется проблема генезиса мотива в художественном мире Адамова через сопряжение с текстами французской (сюрреализм) и русской (Н.В. Гоголь) литературы, философией (А. Кожев, Г. Гегель) и психоанализом (М. Кляйн). Автор и герой книги «Признание» чувствует себя отчуждённым как по отношению к телу или его частям, так и по отношению к собственным действиям (игра, молитва). В качестве фантасма его идеала транслируется идея самопревосхождения, когда «я» не отчуждено, а растворяется в религиозном опыте слияния с трансцендентным, благодаря этому, в частности, преодолевая внутреннюю расщеплённость. Эмфатической реализацией мотива отчуждения становится эксплицируемая в «Признании» триада «плоть – дух – человек», свидетельствующая об утрате современными людьми способности к переживанию подлинного единения с божественным и о тоске Адамова-мыслителя по архаической культуре. Напрямую обращаясь к психопатологической проблематике, откровенно описывая собственные неврозы, Адамов использует этот материал как антропологический и экзистенциальный, а не клинический, опираясь на представление психоанализа о неврозе как генеральном заострении, характеризующем жизнь вне кабинета терапевта. Однако и художественное творчество может быть интерпретировано как генеральное заострение человеческого опыта – и в этом случае текст Адамова может быть прочитан как описание невроза эпохи или невроза культуры.

Ключевые слова: Артюр Адамов, исповедальная проза, молитва, невроз культуры, отчуждение, психоанализ, самопревосхождение, феномен разъятости.

Для цитирования: Османова К.П. Мотив отчуждения в исповедальной прозе Артюра Адамова («Признание») // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 57–61. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-57-61>

Благодарности. Автор выражает благодарность кандидату экономических наук, доценту Александру Анатольевичу Погребняку, чьи философские исследования стали движущей силой для создания настоящей статьи.

Research article

THE MOTIF OF ALIENATION IN ARTHUR ADAMOV'S CONFSSIONAL PROSE (“THE CONFESSION”)

Kira P. Osmanova, Assistant Professor, Foreign Literature Department of Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia, osmanovakira@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2960-4513>

Abstract. This study enquires into one of the modernist culture key motifs – the alienation motif actualised in the autobiographical prose of the French writer Arthur Adamov. It reveals the problem of the motif genesis in Adamov's artistic reference system through its connection with texts of French (surrealism) and Russian (Nikolai Gogol) literature, philosophy (Alexandre Kojève, G.W.F. Hegel) and psychoanalysis (Melanie Klein). The author and the hero of “The Confession” feels alienated both in relation to the body or its parts, and in relation to his own actions (the playing, the prayer). As a phantasm of his ideal, the idea of self-transcendence is transmitted, when the “I” is not alienated, but dissolves in the religious experience of merging with the transcendent, thanks to this, in particular, overcoming internal splitting. The emphatic realisation of the alienation motif becomes the triad “body – spirit – man” explicated in “The Confession”, testifying to the loss by modern people of the ability to experience genuine achieving the union with the divine and to Adamov's longing for archaic culture. Directly appealing to psychopathological issues, manifestly describing his own neuroses, Adamov uses this material as anthropological and existential, rather than clinical, relying on the psychoanalytic concept of neurosis as a general sharpening that characterises

life outside the therapist's office. However, artistic creativity work can also be interpreted as a general sharpening of human experience – and in this case, Adamov's text can be read as a description of the neurosis of epoch or the neurosis of culture.

Keywords: Arthur Adamov, confessional prose, prayer, neurosis of culture, alienation, psychoanalysis, self-transcendence, disunity phenomenon.

For citation: Osmanova K.P. The motif of alienation in Arthur Adamov's confessional prose ("The Confession"). Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 57–61. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-57-61>

Acknowledgments. The author gratefully acknowledges Cand. Sc. (Economics), Senior Lecturer Aleksandr Pogrebnyak, whose philosophical researches became the driving motive for the creation of the present article.

Ярчайшим образцом автобиографической прозы французского писателя Артюра Адамова (Arthur Adamov, 1908–1970) является книга «Признание» ("L'Aveu", 1946). Под этим названием объединены сочинения Адамова, созданные в период с 1938 по 1943 г.: «Что существует» ("Ce Qu'Il Y A", 1938); «Бесконечное унижение» ("L'Humiliation Sans Fin", 1939); «Время позора» ("Le Temps de l'Ignominie", 1939–1940); «Кошмарный дневник» ("Journal Terrible", 1939–1943); а также «Предисловие» ("Introduction", 1943).

Одним из ключевых в книге «Признание» становится мотив отчуждения. Отчуждение, широко понимаемое современной философией как «важнейшее понятие модернистского мышления, под формой которого объединены политико-юридическое, историческое и экзистенциально-психологическое содержание» [Погребняк: 126], ложится в основу мировоззрения Адамова, для которого «Признание» становится первым опытом освоения территории исповедальной прозы. Конвенциональным методом для исследования текстов подобного характера может быть биографический. Действительно, жизнь Адамова с 1914 г. (с начала Первой мировой войны, заставшей семью в Германии) до 1924 г. (до решения семьи окончательно поселиться в Париже) предоставляет выразительный материал для иллюстрации идеи отчуждения как таковой: из Германии семья бежала в Швейцарию, опасаясь расправы (поскольку у родителей Адамова были русские документы), далее – восемь трудных лет в Швейцарии (о которой Адамов впоследствии напишет: «нас называют "макаками", обвиняют в том, что мы едим "швейцарский хлеб"». Ксенофобия, доведённая до бесстыдства» [Адамов: 18]), затем снова Германия и, наконец, – Франция (см. подробнее: [Адамов: 15–23]). Однако внешние обстоятельства биографии Адамова, при всей значительности оных, – будут вынесены за скобки рассуждений о собственно тексте «Признания», поскольку разговор о философской компоненте рассматриваемого произведения не может исчерпываться очевидной связью «факт биографии – акт записи». «Признание» – это не дневник в общепринятом смысле, но – пространство философских размышлений, философия абсурда как такового, воплощённая в гибридном исповедальном жанре.

Мартин Эсслин (Martin Esslin, 1918–2002) говорит об Адамове – авторе «Признания»: «глубокое чувство отчуждения, ощущение, что время давит на него... абсолютная пассивность – таковы некоторые симптомы его духовной болезни» [Эсслин: 96]. Рене Годи (René Gaudy, 1940), размышляя над написанной в авертисменте к «Бесконечному унижению» фразой Адамова «Выражая свой недуг, я от него освобождаюсь» ("En exprimant mon mal, je m'en libère") [Adamov 1946: 54], замечает: «"Выражать" означает – "вынимать", но также и "корректировать"» [Gaudy: 20]. Годи приводит слова Антонена Арто (Antonin Artaud, 1896–1948), свидетельствующие о том, что признание художником собственного страха, выполненное письменно, есть для художника источник дальнейшей жизни: «Ваше признание, напротив, обогащает Вас, Артур Адамов: оно – не просто исповедь, оно – почва с необычным удобрением... <...> ...Вы добудете из этого признания вещество, которое сделает Вас неуязвимым» [Gaudy: 20].

В книге «Признание» можно выделить следующие типы отчуждения.

Отчуждение телесное: частей тела – от самого тела, в результате чего тело утрачивает свою целостность. В «Что существует» Адамов обрисовывает ситуацию ожидания: он, весь во власти волнения, ждёт близкого человека в кафе – и догадывается, что тот не придёт. Не в силах преодолеть нервную дрожь, Адамов сосредотачивает внимание на собственных руках, на их треморе: «Эти руки точно принадлежат мне. И нервозность, которую они выражают, – точно моя. В этом нет никаких сомнений»; однако столь нарочитая декларация отсутствия сомнений как раз и оказывается доказательством их наличия, Адамов добавляет всего лишь несколькими строчками ниже: «Это мои руки?» [Adamov 1946: 22]¹. Целостность самовосприятия нарушена. Адамов говорит о том, что не давал рукам никакого позволения трястись. Он наблюдает за собой со стороны, словно за посторонним, – став посторонним самому себе. Там же, в «Что существует», есть ещё один пассаж, где Адамов видит собственную поднятую руку, словно чужую: «Но эта рука – кому она принадлежит? Эта рука, которая отводится, отстраняется от туловища, движимая неведомой силой, сама по себе есть таинственное существо; объект, что отделяется от другого объек-

та; нечто, что поднимается по приказу, поступившему извне; эта рука чертит в воздухе пророческий рисунок, знак» [Adamov 1946: 38]. Эти эпизоды представляют собой очередное подтверждение двойственности человеческой природы.

Для интерпретации этого хода мысли Адамова уместным будет вспомнить о его увлечении сюрреализмом, очарованности Андре Бретоном (André Breton, 1896–1966), Полем Элюаром (Paul Éluard, 1895–1952) и о творческом воплощении подобного юношеского интереса – поэтическом цикле «К Мерет» (“Des poèmes pour Meret”, 1933). В этом пятичастном цикле тело возлюбленной предстаёт как объект, показанный к разъединению. Так, нарушение целостности данного объекта – и есть главная лирическая интенция стихотворения «Возлюбленная» (“L’Amoureuse”). Обязательно называется каждая часть: «руки» (“ces bras”), «бёдра» (“ces hanches”), «ноги» (“ces jambes”), «рот» (“ta bouche”), «затылок» (“ta nuque”), «голова» (“ta tête”), «лицо» (“ta face”) [Gaudy: 155–156]. Для Адамова-поэта, вдохновлённого идеей дробности всего существующего, именно в этой разъятости – исключительность женщины и её неодолимая сила. Феномен «разъятой возлюбленной» закрепляется в искусстве авангарда в том числе и благодаря художественным опытам Адамова. «Невозможность собрать из фрагментов – целое, из телесных частей – единую возлюбленную (и – самого себя), в некоторой степени связана с сюрреалистической аксиомой неузнанного» [Османова: 150].

Однако нельзя не отметить и близость этого направления рассуждений писателя к идеям британского психоаналитика Мелани Кляйн (Melanie Klein, 1882–1960), являющейся автором понятия «частичный объект». Кляйн полагает, что объект желания первоначально воспринимается человеком как некий набор «частичных объектов», лишь со временем интегрирующихся в единый образ. Одной из базовых характеристик человеческой психики Кляйн считает способность к «расщеплению» мира – с целью как отвержения ненавидимого, так и сохранения желаемого (см. подробнее [Кляйн 2001]).

Вопрос целостности (в том числе телесной) всё-таки занимает Адамова и впоследствии разворачивается на страницах «Признания». Пристальное внимание к отдельным (отделённым, отчуждённым) частям целого есть один из признаков невроза, с избытыванием (отделением, отчуждением) которого связан замысел «Признания» как таковой.

Отчуждение духовное: тела от духа и духа от тела, ибо в человеке есть нечто, что человеком не является, – иноприродное. Отчуждение духовное связано в мире Адамова с концептом подлинной молитвы.

Описание Адамовым процесса образцовой молитвы представляет особенный интерес: «Как только

я начинаю молиться, свершается чудо: во мне рождается существо, которое уже не есть – я, которое меня превосходит; это – концентрация высочайших моих устремлений» [Adamov 1946: 42–43]. Формирование альтернативного «я» происходит во время постижения молитвенного опыта. Адамов продолжает: «Я должен разрубить себя надвое и повергнуть на землю в знак раскаяния, распластать гниющую мою часть пред неизбежной чистотой вечного. Я должен молиться, то есть – сосредоточиться, устремиться к вершине себя самого; к духу, ведающему о первопричине меня, в точку, где все жизни неразделимо сосуществуют в моей жизни» [Adamov 1946: 43].

И здесь следует отметить максимальное приближение к философской теме, невероятно Адамова волнующей, – теме преодоления границ. Это новое существо «превосходит» молящегося Адамова, то есть – молящемуся становится доступным умение выходить за пределы себя самого. “Dépasser”, слово-ключ для понимания проблематики «Признания», и есть – покидать пределы. Преодоление границ связано со стремлением обрести инореальность, “un univers réel” [Adamov 1946: 157]. Этот опыт самопревышения квалифицируется Адамовым как бесценный.

В ежегоднике Высшей практической школы за 1935–1936 учебный год (секция «религиоведения») дано резюме курса лекций, прочитанного А.В. Кожевным (Alexandre Kojève, 1902–1968), где Кожев постулирует: «Для религиозности характерно, по Гегелю, Entzweiung, расщепление единого сознания на эмпирическое Я, которое, будучи привязанным к миру, смертно, и на Я трансцендентное: бессмертную душу, напрямую обращенную к Богу. <...> Поскольку религиозный Человек никак не может совпасть с самим собой, ему не обрести Befriedigung, удовлетворения, каковое составляет последнюю цель и оправдание человеческого бытия» [Кожев: 87]. Заслугу Кожева в толковании философии Г.В.Ф. Гегеля (Georg Hegel, 1770–1831) для французских интеллектуалов того времени сложно переоценить. Круг общения Адамова формируют неординарные мыслители своего времени; Адамов страстно увлекается философией и политикой; одним из главных для Адамова видов деятельности становится перевод (в том числе и научной литературы) – эти штрихи общего рисунка судьбы Адамова позволяют предположить, что такое яркое событие в интеллектуальной жизни Парижа тридцатых годов, как цикл лекций Кожева, не могло не затронуть молодого, жадного до знаний автора (пусть и обсуждалось в легендарном кафе «Лё Дом» (Le Dôme) на бульваре Монпарнас). Перечтение Гегеля составляло важную часть того поля мысли, где одновременно утверждал своё право на существование и Адамов — и как художник, и как философ. Гегелевские «расщепление» и «удовлетворе-

ние» преломляются в тексте Адамова, романтически воспринимающего последнее (“Befriedigung”) как недостижимый идеал.

Инвариантом второго типа отчуждения («тело – дух») становится оппозиция «Я-(не-)действующий» – «я-наблюдатель». В высокой степени эта перверсия отчуждения этического в мире Адамова связана с концептом неосуществляемой молитвы.

В «Бесконечном унижении» Адамов пишет: «Мне всегда кажется, что мои поступки отделены от меня; что я есть только обездвиженный свидетель своих же собственных действий, никогда не участвующий в представлении в полной мере, никогда настоящему не захваченный игрой, которая касается непосредственно моего существования» [Adamov 1946: 69].

Однако Адамов в «Признании» приводит и горчайшее свидетельство того, что в рамках секуляризованной культуры люди окончательно утратили связь с божественным всеединством: человек разучился творить молитву. В самые страшные минуты своей жизни человек догадывается: молитва – единственное, что могло бы его спасти, но именно молитва ему и не даётся. В «Кошмарном дневнике» Адамов пишет: «Нужно молиться, умолять о даре молитвы. Но умолять об умении молиться не означает молиться по-настоящему. Чтобы молиться, нужен дар – а у меня его нет» [Adamov 1946: 157]. Адамова это открытие обезоруживает, делает максимально уязвимым: «Мысль эта – словно удавка: сжимает горло и душит меня» [Adamov 1946: 157].

Описывая один вечер из своей жизни, Адамов делает признание: «Я не молюсь, я делаю вид, что молюсь» [Adamov 1946: 44]. Ритуальная составляющая всякого действия может быть повторена, дублирована с формальной точки зрения. «Коль скоро я говорю искренне, вынужден признаться, что на самом деле я всего лишь наблюдаю за тем, как я молюсь» [Adamov 1946: 44]. Адамов не скрывает: во время молитвы он словно отделяется от себя самого, превращается в стороннего наблюдателя.

В связи с этим эпизодом любопытным представляется вспомнить письмо Н.В. Гоголя В.А. Жуковскому (Бейрут, 6 апреля 1848 г.), где Гоголь рассказывает о своём опыте пребывания на литургии в Иерусалиме «у самого гроба святого»: «Всё это было так чудно! Я не помню, молился ли я. Мне кажется, я только радовался тому, что поместился на месте, так удобном для моления и так располагающем молиться. Молиться же собственно я не успел. Так мне кажется. Литургия неслась, мне казалось, так быстро, что самые крылатые моления не в силах бы угнаться за нею. Я не успел почти опомниться, как очутился перед чашей, вынесенной священником из вертепа для приобщения меня, недостойного...» [Гоголь: 58].

Утверждать с высочайшей точностью, читал ли Адамов именно это письмо, нельзя, однако подобное утверждение оказалось бы более чем допустимым – творчество Гоголя Адамов знал превосходно. Так, одним из известных текстов Адамова, связанных с переосмыслением французским писателем, родившимся на территории Российской империи, гоголевского наследия, является адаптация для театральной сцены «Мёртвых душ»: Адамов полагал, что это произведение Гоголя, существуя «на стыке острой социальной критики и поэзии», требует переложения «на язык двадцатого века» (см. подробнее [Adamov 1960]).

И Гоголь, и Адамов – с разницей в девяносто лет – затрагивают важный вопрос утраты человеком способности к самотождественности. И удобное место для молитвы (у Гоголя), и наблюдение за самим собой, творящим молитву (у Адамова), – есть детали общей картины, в которой человек перестаёт быть причастным к иррациональному значению рационализируемого ритуала. Это гоголевское «молиться собственно», то есть – по-настоящему, так, как это делалось прежде, становится действием неосуществимым.

Именно в «Признании» обнаруживают себя выразительнейшие примеры богооставленности человека двадцатого столетия, зафиксированные Адамовым. Новый тип сознания не подразумевает возможности молитвы – в её привычном значении. Избавление не наступает, ибо молящийся уже не способен отдаться молитве полностью. Максимальное сосредоточение не даёт просящему. Саморефлексия человека достигает своего апогея. Молитва трансформируется в псевдомолитву, поскольку становится «механической» [Adamov 1946: 44]: формально действие может напоминать разговор с Богом, тем не менее содержательно таким разговором вовсе не быть. «Я ничего не могу с собой поделать: я почти восхищаюсь коленопреклоненным человеком, который с торжественной интонацией произносит волнующие слова. Всё потеряно, всё нужно начинать заново» [Adamov 1946: 44]. Мир требует глобального переосмысления – прежние ритуалы в нём нуллифицированы, и обращение к Богу уже не является тем самым «единственным спасительным средством». Молитва, которая должна способствовать причастности человека к некоему высшему значению, способствует самоотчуждению.

Мотив отчуждения у Адамова напрямую связан с мотивом письма. «Писать, я должен писать, любой ценой, несмотря на всё и вся. Ибо если я перестану писать – всё рухнет» [Adamov 1946: 26]. Недуг следует высвободить, исторгнуть из себя не только посредством произнесения, так называемого выговаривания (для Адамова подобное действие носит характер миссии: «Я считаю, что мне одному суждено сказать это» [Adamov 1946: 159]), – но и по-

средством записывания. В «Что существует» Адамов употребляет словосочетание «внутреннее пространство» (“l’espace intérieur”) [Adamov 1946: 27]. Письменная фиксация содержания этого пространства имеет для Адамова терапевтический эффект.

С.Н. Зенкин, говоря о книге Юлии Кристевой (Julia Kristeva, 1941) “Étrangers à nous-mêmes”, замечает, что автор показывает, «как возрастает в эту эпоху интеллектуальной истории роль чужака – начиная с диалектики Гегеля, толкующей культуру как самоотчуждение духа, и до психоаналитического представления о чуждости человека самому себе» [Зенкин: 59]. В заключении представляется важным подчеркнуть, что исповедальная книга Адамова «Признание» парадоксально существует в напряжённом поле смыслов между означенными полюсами: полюсом философским, который актуализирует гегелевские понятия «расщепление» и «удовлетворение», где последнее романтически интерпретируется как недостижимый идеал, и полюсом психоаналитическим, на территории которого утверждается идея потенциальной расщепляемости объекта и мира в целом. Мотив отчуждения для системы координат Адамова заявляется как ключевой именно в книге «Признание», обладающей значительным полиинтерпретативным потенциалом.

Примечание

¹ Все цитаты из иноязычных источников списка литературы представлены в переводе автора статьи.

Список литературы

- Адамов А. Человек и дитя / пер. с фр. А. Захаревич. Санкт-Петербург: Jaromír Hladík press, 2022. 240 с.
- Гоголь Н.В. Письма. 1848–1852 // Полное собрание сочинений. Т. XIV. Москва: АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом), 1952. 487 с.
- Зенкин С.Н. Французский романтизм и идея культуры (аспекты проблемы). Москва: РГГУ, 2001. 144 с.
- Кляйн М., Айзекс С., Райверс Дж., Хайманн П. Развитие в психоанализе / пер. с англ. Д.В. Полтавец, С.Г. Дурас, И.А. Перелыгин; сост. и научн. ред. И.Ю. Романов. Москва: Академический проект, 2001. 512 с.
- Кожев А. Введение в чтение Гегеля: Лекции по феноменологии духа, читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе / пер. с фр. А. Погоняйло. Санкт-Петербург: Наука, 2003. 792 с.
- Османова К.П. Цикл Артюра Адамова «К Мерет»: особенности поэтики // Учёные записки Орловского государственного университета. Орёл: Изд-во ОГУ. 2022. № 4 (97). С. 148–151.
- Погребняк А.А. Отчуждение и счастье: Тарковский и после // После Тарковского: материалы IV Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург: Сеанс, 2016. С. 126–141.

- Эсслин М. Театр абсурда / пер. с англ. Г. Коваленко. Санкт-Петербург: Балтийские сезоны, 2010. 528 с.
- Adamov A. L’Aveu. Paris, Sagittaire, 1946, 162 p.
- Adamov A. Les Âmes mortes. D’après le poème de Nicolas Gogol. Paris, Gallimard, 1960, 232 p.
- Gaudy R. Arthur Adamov (Essai et document). Paris, Stock, 1971, 187 p.

References

- Adamov A. *Chelovek i ditia* [Man and Child], ed. by A. Zakharevich]. St. Petersburg, Jaromír Hladík press Publ., 2022, 240 p. (In Russ.)
- Esslin M. *Teatr absurda* [The theatre of the absurd]. Saint Petersburg, Baltiiskie sezony Publ., 2010, 528 p. (In Russ.)
- Gogol’ N.V. *Pis’ma. 1848–1852* [Letters. 1848–1852]. *Polnoe sobranie sochinenii. T. XIV* [Complete Set of Works. Vol. XIV]. Moscow, Academiai Nauk USSR Publ., Institut russkoi literatury (Pushkinskii Dom) Publ., 1952, 487 p. (In Russ.)
- Klein M., Isaacs S., Riviere J., Heimann P. *Razvitie v psikhooanalize* [Developments in psycho-analysis], ed. by D.V. Poltavets, S.G. Duras, I.A. Perelygin; comp. by I.Iu. Romanov. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2001, 512 p. (In Russ.)
- Kozhev A. *Vvedenie v chtenie Gegelia* [Introduction to the Reading of Hegel], ed. by A. Pogonailo. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003, 792 p. (In Russ.)
- Osmanova K.P. *Tsiki Artura Adamova «K Meret»: osobennosti poetiki* [“To Meret” by Arthur Adamov: Features of Poetics]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Oryol State University]. Oryol, Izd-vo OGU Publ., 2022, no. 4 (97), pp. 148–151. (In Russ.)
- Pogrebniak A.A. *Otchuzhdenie i schast’e: Tarkovskii i posle* [Alienation and Happiness: Tarkovsky and After]. *Posle Tarkovskogo: materialy IV Mezhdunar. nauch. konf.* [After Tarkovsky: Proceedings of the IV International Scientific Conference]. St. Petersburg, Seans Publ., 2016, pp. 126–141. (In Russ.)
- Zenkin S.N. *Frantsuzskii romantizm i ideia kul’tury (aspekty problemy)* [French Romanticism and the Idea of Culture (Aspects of the Problem)]. Moscow, RGGU Publ., 2001, 144 p. (In Russ.)
- Adamov A. L’Aveu. Paris, Sagittaire, 1946, 162 p.
- Adamov A. Les Âmes mortes. D’après le poème de Nicolas Gogol. Paris, Gallimard, 1960, 232 p.
- Gaudy R. Arthur Adamov (Essai et document). Paris, Stock, 1971, 187 p.

Статья поступила в редакцию 30.03.2025; одобрена после рецензирования 22.05.2025; принята к публикации 02.06.2025.

The article was submitted 30.03.2025; approved after reviewing 22.05.2025; accepted for publication 02.06.2025.